

**СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС
В ПЕРИОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Коренной перелом в войне поставил перед странами антигитлеровской коалиции новые задачи. Они были связаны как с организацией окончательного разгрома Германии, так и с решением вопросов о послевоенном устройстве мира. Точки зрения союзников на эти проблемы совпадали далеко не во всём. Разница во взглядах Советского Союза с одной стороны, США и Великобритании с другой порой была весьма существенной. Между тем сохранение коалиции являлось всеобщим приоритетом. А это требовало согласования позиций, что и происходило на Московской конференции министров иностранных дел в октябре 1943 г. и Тегеранской встрече руководителей союзных держав в ноябре–декабре.

The radical change in the war set new tasks for the countries of the anti-Hitler coalition. They were connected both with the organization of the final defeat of Germany, and with the solution of questions about the post-war world order. The allies' views on these problems did not coincide in everything. The difference in views of the Soviet Union on the one hand, the United States and Britain on the other was sometimes very significant. Meanwhile, maintaining the coalition was a universal priority. And this required an agreement of positions, which took place at the Moscow conference of foreign Ministers in October 1943 and the Tehran meeting of allied leaders in November-December.

Ключевые слова: конференция, Москва, Тегеран, декларация, независимость, капитуляция, демократия, преступники, война, переговоры, союзники, министры, согласование, вооружённые силы, освобождение.

Keywords: conference, Moscow, Tehran, Declaration, independence, surrender, democracy, criminals, war, negotiations, allies, Ministers, reconciliation, armed forces, liberation.

Сталинградская битва положила начало коренному перелому в ходе Великой Отечественной войны. По мере того, как всё более явственно вырисовывалась перспектива победы над Германией, союзники по антигитлеровской коалиции всё глубже погружались в обсуждение послевоенных проблем. И если в Москве эти вопросы пока ещё находились на втором месте, а всё внимание поглощала ситуация на фронте, то в столицах союзников всё больше задумывались о плодах победы. И точки зрения СССР, США и Великобритании на послевоенное устройство мира далеко не во всём совпадали. Советскому правительству не удалось

включить в союзный договор с Англией подписанный 26 мая 1942 г. принципиальный вопрос о признании границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. США решительно поддерживали правительство У. Черчилля в этом вопросе, несмотря на то, что Советский Союз нёс на своих плечах основную тяжесть борьбы с общим врагом.

Наибольшую активность в продвижении своего видения послевоенного мира предпринимали Соединённые Штаты. В декабре 1942 г. Ф. Рузвельт обсуждал эти вопросы в многочасовых переговорах с премьер-министром Канады М. Кингом. А 7 января 1943 г. президент впервые остановился на вопросах послевоенного мироустройства в ежегодном послании конгрессу. «Победа в войне, — заявил он, — наша первая и величайшая задача. Другая задача — победа в организации мира» [1, с. 688]. Д. Эйзенхауэр вспоминая о своей беседе с Ф. Рузвельтом на конференции в Касабланке, проходившей в январе 1943 г. писал: «Хотя он и признавал всю серьёзность военных проблем, всё ещё стоящих перед союзниками, многие из его высказываний относились к далёкому послевоенному будущему, в том числе к судьбам колоний и территориальных владений» [2, с. 179].

Послевоенное будущее мира американский президент намеревался обсудить со своими главными союзниками. Он предпринял сложные дипломатические манёвры чтобы добиться двусторонней встречи с И.В. Сталиным. Но она не состоялась и проблемы послевоенного мироустройства американским руководителям предстояло обсуждать только с Великобританией для чего в марте 1943 г. в Вашингтон прибыл с трёхнедельным визитом глава английской дипломатии А. Иден [1, с. 688].

Главное внимание на вашингтонских переговорах занял германский вопрос. Особое беспокойство вызывало то обстоятельство, что разгром Германии в результате ударов Красной Армии может привести к серьёзным социальным потрясениям революционного характера. Специальный помощник президента США Г. Гопкинс, участвовавший в переговорах, вспоминал впоследствии: «Я сказал, что, если только мы не будем действовать быстро и наверняка, может произойти одно из двух: либо Германия станет коммунистической, либо там наступит полная анархия; что фактически то же самое может произойти в любом европейском государстве, а также в Италии» [3, с. 385].

Участники переговоров пришли к мнению, о необходимости, во избежание революционных событий, расчленения Германии на ряд слабых, нежизнеспособных государств и сохранения в Европе серьёзного контингента американских и английских войск [1, с. 689].

Согласовывая свои подходы к решению европейских проблем, руководители США и Великобритании не могли не учитывать позицию Советского Союза. А. Иден вспоминал об этих переговорах в Вашингтоне: «Главный вопрос, который не выходил из головы Рузвельта, касался того, было ли возможно сработаться с Россией сейчас и после войны. Он хотел

знать, что я думаю по поводу мнения, согласно которому целью Сталина являлся захват и подчинение коммунизму континента» [1, с.690].

Со своей стороны, Советское правительство, не принимая участия в переговорах, но предполагая направление хода дискуссий на них, сочло необходимым сообщить союзникам свою точку зрения по вопросам, затрагивающим интересы СССР. В частности, было заявлено, что западная граница Советского Союза по состоянию на день начала Великой Отечественной войны является окончательной [1, с. 689].

Отношения между СССР и США в годы Второй мировой войны были непростыми, но они претерпели серьёзнейшую эволюцию пройдя через напряжённость в начальный период войны до сотрудничества во время Великой Отечественной войны. Но в Соединённых Штатах имелись влиятельные политические силы, их представители были и в администрации президента, которые считали, что в намерение советского руководства входит реализация плодов победы в войне к своей выгоде и в ущерб Западу, что Советский Союз для США это «временный попутчик» и их пути в дальнейшем разойдутся, а конечные цели СССР не совпадают с целями Соединённых Штатов, да и сама природа советской власти, являясь революционной по своей сущности, остаётся прежней.

Ф. Рузвельт придерживался несколько иной точки зрения. Президент верил в возможность «исторического компромисса» с Москвой. Как отмечал А. Гарриман, американский посол в Советском Союзе в 1943–1945 гг.: «Прежде всего он надеялся, что близость между нами, порождённая войной, могла и должна была стать основой послевоенного сотрудничества» [1, с. 691]. Но в отношениях с Советским Союзом много зависело от позиции Москвы, от тех принципов, преимущество которым отдаст И.В. Сталин, в отношениях со странами Запада — классовых, идеологических или деловых, прагматических.

Проработка конкретных проблем послевоенного устройства мира с наступлением коренного перелома в войне началось и в Москве. 4 сентября 1943 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании при Наркоминделе двух комиссий — возглавляемой М.М. Литвиновым Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства и Комиссии по вопросам перемирия во главе с К.Е. Ворошиловым. Несколько позже была образована Комиссия по возмещению ущерба, нанесённого Советскому Союзу гитлеровской Германией и её союзниками, которую возглавил бывший посол в Великобритании И.М. Майский. В них были задействованы опытные дипломаты, военные, другие специалисты. В закрытом режиме они занимались обсуждением поставленных перед Комиссиями задач и выработкой конкретных рекомендаций для их решения [4, с. 246].

Что же касается Германии, то по этому вопросу в советском экспертном сообществе ещё не было достигнуто единства взглядов, хотя некоторые положения, как-то ликвидация её военного потенциала и денацификация не подвергались сомнению. В целом же, Комиссия М.М.

Литвинова выступала за максимально жёсткое обращение с побеждённой Германией, а Комиссия К.Е. Ворошилова придерживалась более умеренных подходов, которые в конечном итоге и стали доминирующими [4, с. 247].

Определённое сходство в позициях и готовность идти на компромиссы было подтверждено и на первой за годы войны межправительственной встрече ведущих участников антигитлеровской коалиции, которой явилась, состоявшаяся в Москве в октябре 1943 г., конференция министров иностранных дел.

Вопрос «об обращении с Германией» занимал важное место в планах союзников. Для Советского Союза главной была проблема второго фронта. В итоге, по данным советской разведки, Англия и США не питали особых надежд на принятие решений по Германии на этой конференции. В одном из разведдонесений говорилось, например: «Иден считает маловероятным, чтобы три державы пришли к какому-либо твёрдому соглашению по германскому вопросу» [5, с. 432-433].

Пожалуй самым важным шагом в этом направлении было принятие Московской конференцией «Декларации об Австрии». Вопрос был поднят английской делегацией. Ещё в июле 1943 г. в министерстве иностранных дел Великобритании был составлен обширный документ «Будущее Австрии» в котором обосновывалась необходимость восстановления независимого австрийского государства. Документ был принят во внимание при обсуждении декларации об Австрии 25 октября 1943 г. В поддержку австрийской независимости неоднократно выступали руководители Великобритании и США. У. Черчилль ещё 9 ноября 1940 г. заявил, что «Австрия является одной из тех стран, ради которых мы обнажили меч и которым наша победа принесёт освобождение». Об этом в палате общин также говорил 9 ноября 1942 г. и министр иностранных дел Антони Иден. Американское правительство никогда не придерживалось той точки зрения, что Австрия на законном основании включена в состав германской империи. Решительно в поддержку австрийской независимости высказывались, находящиеся в эмиграции в Англии, чехословацкие государственные деятели [6, с. 301, 303, 671, 672].

В принятой конференцией декларации признавалась незаконность аншлюса и подчёркивалось желание трёх держав видеть «восстановленной свободную и независимую Австрию» [4, с. 281].

Одним из знаковых итогов конференции было подписание «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства». Она была принята по инициативе британского премьер-министра. Поводом послужила ситуация на Додеканесских островах, архипелаге расположенном в юго-восточной части Эгейского моря. На одном из островов, на острове Кос, немцами были расстреляны 100 итальянских офицеров. Сообщая об этом британскому кабинету 8 октября 1943 г. У. Черчилль заявил, что было бы желательным «опубликовать сейчас декларацию от нашего имени, а также Соединённых Штатов и России о том, что такое же количество германских

офицеров или членов нацистской партии, какое было убито ими людей в различных странах, будет возвращено в эти страны после войны для суда» [4, с. 288-289].

Свои соображения по этому вопросу У. Черчилль изложил в послании И. Сталину, полученном в Москве 13 октября 1943 г. Публикация специального документа за подписями руководителей союзных государств вызвала бы, по мнению британского премьер-министра, «у некоторых из этих негодяев опасение быть замешанными в этих убийствах, особенно теперь, когда они знают, что они будут побеждены. ...Пусть те, кто ещё не обагрил свои руки невинной кровью, будут предупреждены с тем, чтобы они не оказались, в числе виновных, ибо три союзные державы наверняка найдут их даже на краю света и выдадут их обвинителям с тем, чтобы могло свершиться правосудие» [7, с. 194].

В своём послании советскому руководителю У. Черчилль также отмечал, что принятие союзниками подобной декларации может способствовать тому, что «у многих немцев может заговорить совесть, если они будут знать, что их вернут обратно, и будут судить в той стране и, возможно на том самом месте, где были совершены их жестокие действия» [7, с. 195].

25 октября 1943 г. заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский вручил английскому послу в Москве К. Керру и американскому А. Гарриману памятную записку о согласии советского правительства с предложенным У. Черчиллем проектом Декларации союзных государств об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства [7, с. 431].

Особое значение имело решение конференции о создании, располагавшейся в Лондоне, Европейской Консультативной Комиссии (ЕКК). Оно свидетельствовало о новом уровне в сотрудничестве государств антигитлеровской коалиции. Создавался механизм совместного обсуждения вопросов, связанных с окончанием военных действий и определения направления строительства послевоенного будущего Германии. ЕКК начала свою работу с 14 января 1944 г. [6, с. 678].

С началом Великой Отечественной войны в Советском Союзе возникло ещё одно направление связанное с решением германского вопроса. Оно заключалось в работе с немецкими военнопленными. Первоначально их было не очень много — 9.147 человек по состоянию на 1 января 1942 г. и 19.782 на 19 ноября 1942 г. [8, с. 158].

В этих условиях проведение работы по политической переориентации бывших военнослужащих гитлеровского вермахта приобретало особую значимость. Координирующим органом в этом вопросе было, созданное вскоре после нападения Германии на СССР, Бюро военно-политической пропаганды при ЦК ВКП(б). Конкретная работа возложена была на управление спецпропаганды Главного политического управления РККА (Седьмое управление), которое возглавлял полковник М.И. Буруев, и управление НКВД по делам военнопленных и интернированных (УПВН

НКВД СССР) [9, с. 20; 10, с. 20]. Инструкторы по специальной пропаганде (позже они стали называться инструкторами по антифашистской работе), имея соответствующую подготовку (совершенное знание языка военнопленных, историю страны, психологию, традиции и обычаи народа), в официальной и неофициальной обстановке должны были осуществлять массированную политико-воспитательную работу среди немецких военнопленных.

Первого незначительного успеха удалось достичь в августе 1941 года в лагере № 58 (г. Темников Мордовской АССР), где специальная группа под руководством секретаря Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильского проводила работу по составлению и подписанию документа, изобличающего агрессивную политику фашистской Германии. Из 30 военнопленных рядового состава, давших предварительное согласие на подписание, а в лагере содержалось 946 рядовых и 28 офицеров, после нескольких туров индивидуальной обработки под антифашистским документом свои подписи поставили лишь шесть человек. Началом же антифашистского движения можно считать октябрь 1941 года, когда 158 немецких военнопленных подписали документ, получивший название «Обращение 158» [9, с. 20].

Сдерживающим фактором перехода немецких военнопленных на открытые антифашистские позиции был с одной стороны страх репрессий со стороны гестапо по отношению к их семьям, а с другой — высокоразвитое чувство долга и верность военной присяге, что в начальный период войны недооценивали советские пропагандисты. В итоге, к концу 1942 года из почти 10 тыс. немецких военнопленных только 1.467 человек принимали активное участие в антифашистском движении [9, с. 21].

Разгром 6-й немецкой армии под Сталинградом в январе-феврале 1943 года, коренной перелом в войне, способствовали росту антигитлеровских настроений среди немецких военнопленных, как солдат, так и офицеров. К середине 1943 года эти тенденции приняли такие размеры, что при соответствующем организационном оформлении и целевом направлении могли быть использованы для разложения тыла и фронта противника.

К началу июля 1943 года вся подготовительная работа по созданию антифашистской организации немецких военнопленных была завершена и 12–13 июля в лагере № 27 в подмосковном городе Красногорске состоялась учредительная конференция [9, с. 22; 11, с. 7]. Кроме делегатов от военнопленных солдат и офицеров на ней присутствовали, находившиеся в СССР, немецкие общественные и профсоюзные деятели, депутаты рейхстага. На учредительной конференции был избран Национальный Комитет «Свободная Германия» (НКСГ) из 38 членов. Его возглавил писатель Эрих Вайнерт [10, с. 8]. НКСГ имел в действующей Красной Армии фронтовых уполномоченных, доверенных лиц в армиях и дивизиях, боевые группы для нелегальной работы в тылу вермахта, группы движения «Свободная Германия» в сборных лагерях немецких военнопленных, воспитателей и преподавателей в антифашистских школах. Советское государство передало

а распоряжение НКСГ радиостанцию, которая под названием «Радиостанция «Свободная Германия» ежедневно обращалась к немецкому народу и мировой общественности, являясь важным органом пропаганды антифашистских идей Национального Комитета. Советское правительство также оказывало Национальному Комитету содействие в издании еженедельной газеты «Freies Deutschland» («Свободная Германия»). Она пришла на смену, издававшейся с конца 1941 года газеты для военнопленных «Das Freie Wort» («Свободное слово»), а также в печатании многочисленных брошюр, листовок и других изданий. Только за 1943 год Главным политуправлением РККА и политотделами фронтов было распространено среди немецких войск большое количество листовок, составивших 20 проц. от 849.257.000 изданных [9, с. 23].

После подготовительной работы 11–12 сентября 1943 года, на объекте № 15 (подмосковный посёлок Лунёво) была проведена учредительная конференция «Союза немецких офицеров» (СНО). Ею возглавил генерал Вальтер фон Зайдлиц [9, с. 22]. Союз присоединился к движению «Свободная Германия».

Со временем к работе «Союза немецких офицеров» присоединился и фельдмаршал Паулюс. Его привлечение к организации проводилось по специальному плану, утверждённому народным комиссаром внутренних дел СССР, руководством УПВИ НКВД СССР и ведущими членами СНО. 14 августа 1944 г. Паулюс вступил в СНО, после чего обратился по радио с воззванием к немецкому народу и военнопленным. Оно было также опубликовано в «Правде» и заграничной прессе [9, с. 23].

Создание НКСГ с пониманием было встречено многочисленными организациями немецких эмигрантов, деятелями науки и культуры (Томас Манн, Лион Фейхтвангер, Оскар Мария Граф, Гейнц Нибур, Курт Розенфельд и др.). О его программе одобрительно высказался ряд крупнейших газет США и Великобритании — «Нью-Йорк геральд трибюн», «Ньюс уик», «Таймс», «Манчестер гардиан» [11, с. 35].

Однако, в правительственных кругах Великобритании это событие вызвало определённую настороженность. Согласованная политика в германском вопросе была, естественно, непременным условием деятельности коалиции. А поэтому посол Великобритании в СССР К. Керр заявил В.М. Молотову 26 июля 1943 г., что образование в Советском Союзе комитета «Свободная Германия» вызвало в Англии большой интерес. Он настолько велик, что А. Идену, министру иностранных дел Великобритании, 27 июля в палате общин будет сделан соответствующий запрос. Посол Керр намеревался получить дополнительную информацию по этому вопросу от советского наркома. Молотов сообщил, что комитет «Свободная Германия» — пропагандистский комитет. «Наши разведчики считают, — заявил он, — что этот комитет полезен с точки зрения увеличения врагов Гитлера в германском народе и в германской армии. Мы же считаем, что чем больше будет врагов у Гитлера, тем полезнее будет это для союзников» [6, с. 227].

Ответ видимо не полностью удовлетворил британский кабинет, а поэтому 21 октября 1943 г. во время Московской конференции министров иностранных дел А. Иден спросил И.В. Сталина, что «русские делают с германским комитетом». Ответ Сталина был примерно такой же: «Германский комитет — это орган пропагандистский... Конечно, в германском комитете есть люди, которые мечтают о том, что они будут решать судьбы Германии. Однако, нужно помнить, что ни одно уважающее себя правительство не будет иметь дело с военнопленными» [6, с. 664].

При этом всё же следует отметить, что определённые причины для беспокойства у западных политиков и дипломатов были. Они вытекали из появления планов создания «немецкой армии» и даже немецкого «правительства» на территории СССР. Российские исследователи отмечают, что «эти планы связываются обычно с именем главы СНО генерала Зайдлица, однако скорее следует говорить о «совместном творчестве» немецкого генерала и его кураторов из советских служб». Подтверждением этого является и тот факт, что 4 марта 1944 г. Лаврентий Берия направляет Сталину «Меморандум Зайдлица» с предложением «признать НКСГ как германское правительство за рубежом и сформировать немецкие освободительные войска» [12, с. 49-50].

Здесь следует отметить, что в «докладной записке» подписанной президентом Союза немецких офицеров генералом Вальтером фон Зайдлицем 16 февраля 1944 г. утверждалось, что правительство СССР «неоднократно давало понять, что видит в лице Национального Комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров нечто большее, чем просто пропагандистские организации, и ожидает от них большего. Оно выразило желание рассматривать Национальный комитет и Союз немецких офицеров как *зародыш* будущей свободной Германии...» [12, с. 51].

Если допустить, что отдельные руководители различных уровней советских спецслужб осуществлявших кураторские функции по отношению к НКСГ и СНО могли допускать подобное толкование мандата этих организаций, то для руководства страны это было недопустимо. Проект создания «немецкого правительства за рубежом» был связан с риском серьёзных осложнений с союзниками вполне возможными их ответными мерами с использованием находившихся в их странах эмигрантов и военнопленных. Кстати подобные планы уже прорабатывались [12, с. 51].

Поэтому идеи, содержащиеся в «Меморандуме Зайдлица», поддержки не получили. И Сталин, и Молотов указали на чисто пропагандистский характер этих организаций, а на совещании начальников седьмых отделов фронтов, структур занимавшихся работой по «разложению противника», 19 мая 1944 г. начальник Главного политуправления Красной Армии А.С. Щербаков потребовал внимательно следить за Национальным комитетом «Свободная Германия», потому что у его руководителей, как он выразился, свои планы. Некоторые из них хотят противопоставить Советский Союз союзникам, столкнуть их. «Генерал Зейдлиц представил нам несколько

документов. В них предлагалось объявить Национальный комитет немецким правительством и дать тем самым ему возможность вести работу как временному правительству или полуправительству. Нужно работать так, чтобы мы их использовали в целях победы Красной Армии и не допускать, чтобы они нас использовали». Несколько дней спустя, 25 мая 1944 года, Д.З. Мануильский сообщил А.С. Щербакову, что «составление «меморандума Зейдлица» было провокационным действием фашистской группы внутри «Союза немецких офицеров» [13, с. 46].

30 сентября 1945 г. нарком внутренних дел СССР Л. Берия направил в СНК СССР на имя В.М. Молотова письмо, в котором сообщал, что «НКВД СССР считает необходимым прекратить деятельность Национального комитета «Свободная Германия» и «Союза немецких офицеров», созданных в 1943 г. из числа военнопленных немцев. После поражения Германии надобность в этих организациях отпала и в последнее время они фактически не работают». Предложение НКВД Молотов поддержал. 2 ноября 1945 г. состоялось последнее пленарное заседание Национального комитета, которое приняло решение о прекращении его деятельности и издания газеты «Свободная Германия» [6, с. 664].

После войны значительная часть активных участников НКСГ и СНО заняла видные посты в партийном и административно-управленческом аппарате ГДР.

Состоявшаяся 28 ноября–1 декабря 1943 г. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании подвела своего рода внешнеполитические итоги второго периода Великой Отечественной войны — периода коренного перелома. Кроме чисто военных вопросов на ней были затронуты и некоторые проблемы касающиеся послевоенного будущего Германии. Ключевым здесь был вопрос о её территориальном устройстве. Каждый из участников конференции имел свои планы расчленения Германии. В Москве эти проекты разрабатывала комиссия Литвинова. Но на Тегеранской конференции И.В. Сталин с конкретными предложениями не выступал. Но во время встречи с президентом США 29 ноября он высказал некоторые соображения по германскому вопросу. Они касались принятия эффективных мер для предотвращения агрессии в будущем, и в частности, в случае угрозы агрессии со стороны Германии, возможности «занимать важные в стратегическом отношении пункты». Рузвельт высказал полное согласие с мнением советской делегации [14, с. 105].

Послевоенное будущее Германии, а именно, его территориальный аспект обсуждался 1 декабря 1943 г. Ф. Рузвельт заявил, что с целью «стимулировать нашу дискуссию по этому вопросу, я хотел бы изложить, составленный мною лично два месяца тому назад план расчленения Германии на пять государств». Районы Кильского канала и Гамбурга должны управляться Объединёнными Нациями или четырьмя державами — США, Англией, СССР и Францией. Рурская и Саарская области должны быть

поставлены под контроль Объединённых Наций, либо попечителей всей Европы. Рузвельт при этом заметил, что это не категорическое требование Соединённых Штатов, а предложение для обсуждения [14, с. 149].

План У. Черчилля состоял из двух составных частей — изоляции Пруссии от остальной Германии и включения южных провинций в состав Дунайской конфедерации [14, с. 149].

Глава Советского правительства выступил против создания после раздробления Германии новых нежизнеспособных государственных объединений, а также поддержал независимое существование Австрии и Венгрии. После состоявшегося обмена мнениями, по предложению Рузвельта было решено передать вопрос о послевоенном территориальном устройстве Германии на более тщательное изучение в Европейскую Консультативную Комиссию [14, с. 150].

Послевоенное устройство Германии было самым непосредственным образом связано и с проблемой польских границ. Руководители союзных держав высказались за удовлетворение территориальных претензий Польши за счёт Германии. Британский премьер-министр предложил, «... что очаг польского государства и народа должен быть расположен между так называемой линией Керзона и линией реки Одер, с включением в состав Польши Восточной Пруссии и Оппельнской провинции. Но окончательное проведение границы требует тщательного изучения и возможного расселения населения в некоторых пунктах» [14, с. 150].

При обсуждении этого вопроса И. Сталин счёл необходимым заметить, что Советский Союз не имеет незамерзающих портов на Балтийском море. Поэтому, ему «нужны были бы незамерзающие порты Кёнигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более, что исторически — это исконно славянские земли», — добавил Сталин [14, с. 150].

Согласие союзников с этой позицией было высказано в личном послании У. Черчилля Сталину 20 февраля 1944 г. в котором он заявил, что «русские имеют историческую и хорошо обоснованную претензию на эту немецкую территорию» [7, с. 226].

Тегеранская конференция была первой за годы войны встречей лидеров ведущих стран антигитлеровской коалиции. На конференции восторжествовали принципы сотрудничества великих держав. Проблема Германии была тесно связана как с проведением согласованных мероприятий по завершению войны, так и с сотрудничеством стран большой тройки в строительстве послевоенного мира. «Мы выражаем нашу решимость в том, что наши страны будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время», — говорилось в заключительной «Декларации трёх держав», принятой на конференции [14, с. 157]. Как сказал впоследствии в своём выступлении 24 декабря 1943 г. президент Ф. Рузвельт, участники конференции «заглянули в дни, месяцы и годы, которые последуют за поражением Германии» [15, с. 425].

Литература

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. — М.: Кучково поле, 2014. — Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. — 864 с.
2. Эйзенхауэр, Д. Крестовый ход в Европу: Военные мемуары / Д. Эйзенхауэр. — М.: Воениздат, 1980. — 526 с.
3. Шервуд, Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Р. Шервуд. — М.: Изд-во «Иностранная литература», 1958. — Т. 2. — 679 с.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. — М.: Кучково поле, 2014. — Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. — 864 с.
5. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. М.: «Изд-во "Русь"»2008. — Т. 4. Кн. 2. — 816 с.
6. СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из архива внешней политики Российской Федерации. В 2-х т. — М.: Междунар. отношения, 1996.— Т. 1: 22 июня 1941 г.–8 мая 1945 г. — 784 с.
7. Переписка И. Сталина с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г.–ноябрь 1945 г.). — СПб.: Питер, 2015. — 448 с.
8. История России. XX век: 1939–2007 / под ред. А.Б. Зубова. — М.: Астрель: АСТ, 2010. — 847 с.
9. Галицкий, В.П. Гитлеровцы против Гитлера / В.П. Галицкий // Военно-исторический журнал. — 1995. — № 1. — С. 18–24.
10. Вольф, Вилли. На стороне Красной Армии / Вилли Вольф. — М.: Воениздат, 1976. — 264 с.
11. Бланк, А.С. Национальный комитет «Свободная Германия» — центр антифашистской борьбы немецких патриотов (1943–1945 гг.) / А.С. Бланк. — Вологда, Вологодское книжное издательство, 1963. — 92 с.
12. Филитов, А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941–1990 / А.М. Филитов. — М.: Наука, 2009. — 333 с.
13. Семиряга, М.И. Как мы управляли Германией / М.И. Семиряга. — М.: РОССПЭН, 1995. — 400 с.
14. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. — М.: Политиздат, 1984. — Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября–1 декабря 1943 г.). — 175 с.
15. История дипломатии.— М.: Политиздат, 1975.— Т. IV. Дипломатия в годы Второй мировой войны. — 752 с.